

ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ ЗАМЫСЛОМ

ЧЕЛОВЕК НА ЭСТРАДЕ

Кинодраматург А. Бородинский и режиссер К. Шахназаров, создатели картины «Мы из джаза», завоевавшей симпатию зрителей и получившей единодушно добрые отзывы критики, решили продолжить экранный разговор о прошлом и настоящем отечественной эстрады, о бескорыстном служении искусству. Они представляют замысел своей новой картины.

Москва. Наши дни. Мир эстрады.

Вот маленький эпизод из нашего сценария.

(Для ясности: у эстрадного танцовщика Беглова во время репетиции возник конфликт с «звездой», певицей Ириной Мельниковой. Его приятель Аркадий взялся все уладить).

Возле подъезда нового кирпичного дома с просторными лоджиями Аркадий сказал Беглову:

— Вы здесь подождите.

И вошел в подъезд. Беглов нагнул кепку на глаза, поднял воротник и взглянул на окна верхних этажей.

— Вы к кому? — спросила в подъезде дежурная.

— К Ирине Мельниковой, — сказал Аркадий.

— Подождите, я сейчас запрошу. — Дежурная нажала кнопку переговорного устройства.

— Слушаю, — раздался голос Мельниковой.

— Как ваша фамилия? — торопливо спросила дежурная.

— Челентано, — сказал Аркадий.

— Ирина Павловна, к вам тут Челентано идет, — доложила дежурная в переговорное устройство.

— Кто?! Кто? — не поняла Мельникова.

— Челентано, — повысила голос дежурная.

— Какой еще Челентано?!

— Адриано, — подсказал Аркадий.

— Адриано, — повторила дежурная.

Беглов, поеживаясь от осеннего ветра, прохаживался у подъезда.

— Алексей Иванович! — раздался откуда-то сверху голос Аркадия.

Беглов поднял голову. Аркадий махал рукой с лоджии верхнего этажа:

— Заходите!

Когда Беглов вышел из лифта, Аркадий ждал его на пороге квартиры Мельниковой.

— Проходите, — гостеприимно пригласил он Беглова.

Беглов боязливо вошел в зеркальную прихожую, на полу которой, раскинув могучие лапы, лежала шкура гималайского тигра.

— Ноги вытирайте, — похозяйски распорядился Аркадий. — Давайте ваше пальто.

— Ну что? — спросил Беглов, косясь на дверь, ведущую в глубь квартиры.

— Все в порядке. — Аркадий повесил пальто Беглова. — Знаете: она нормальная баба!.. Сейчас звонила Фоменко, по первое число ему выпала за самоуправство!

Я ей все про вас рассказал. Она как узнала, что вы танцовщик, так загорелась! Хочет, чтобы вы сбавили чего-нибудь!

— Как сбавил? — не понял Беглов.

— Ну станцуйте чего-нибудь. У нее гости сидят. Очень приличные люди, давайте, давайте, проходите...

Аркадий толкнул растерянного Беглова в большую комнату, посреди которой стоял рояль, а в углу вокруг стола расположились в креслах Ирина Мельникова и ее

гости — симпатичные молодые люди и длинноногие девушки.

— А вот и Алексей Иванович Беглов! — объявил Аркадий.

Он вел себя так, как будто давно и близко знал всех.

— Здравствуйтесь, — смущенно сказал Беглов.

Компания весело приветствовала его.

— Челентано нам сказал, что вы замечательно бьете степ, — улыбаясь проговорила Мельникова, кивнув на Аркадия.

— Да, да, сейчас он покажет! — весело воскликнул Аркадий, усаживаясь за рояль, и шутливо объявил: — За роялем Адриано Челентано!

Все засмеялись и зааплодировали.

— Чего играть, Алексей Иванович? — спросил Аркадий.

Беглов молчал.

— Дайте ему дерябнуть по христианскому обычаю, — предложил лысоватый мужчина с орлиным профилем.

— Спасибо, я не пью. У меня инфаркт был, — сказал Беглов.

Аркадий начал наигрывать ритмичную мелодию.

Беглов молча смотрел на компанию. Мельникова и ее гости в ожидании смотрели на него.

— Ну чего там? Давай, папаша! — нетерпеливо сказал орлиный профиль.

Беглов повернулся и пошел к выходу.

— Смотрите, он уходит! — воскликнул кто-то удивленно. — Кто же танцевать будет?!

— Я станцую! Я танцевать хочу, я танцевать хочу! Челентано, давайте потанцуем.

Аркадий догнал Беглова возле лифта.

— Вы чего? — удивленно спросил он.

— Ничего, — сказал Беглов.

— А почему ушли?

В этот момент открылась дверь лифта, и Беглов вошел в него. Аркадий зашел следом.

— Что случилось?

— Ничего не случилось, — сказал Беглов и нажал кнопку.

— Нет, вам что-то не понравилось!

— Все мне понравилось, — проговорил Беглов.

— Нет, что-то вам не понравилось, — настаивал Аркадий.

— Все мне понравилось, Аркадий, — сказал Беглов. — Только я не дрессированная обезьяна.

— А я, значит, обезьяна? — с вызовом спросил Аркадий.

— Ты — обезьяна, — спокойно проговорил Беглов и вышел из лифта.

Мы познакомились с Алексеем Андреевичем во время работы над фильмом «Мы из джаза».

Он был приглашен на картину в качестве педагога-репетитора по танцам и помогал молодым артистам овладеть секретами степа, или, проще го-

воря, научиться отбивать четку.

Фильм он так и не увидел. Умер незадолго до окончания съемок от разрыва сердца. Ему было шестьдесят, хотя выглядел он моложе.

Когда картина была закончена, и мы стали думать о следующей работе, нам почему-то сразу представилась такая сцена. Небольшая открытая эстрада на берегу моря в конце 50-х годов, полупустой зал и танцующий под одинокий аккомпанемент фортепиано молодой человек в костюме гаучо. Этим молодым человеком был Алексей Андреевич. По сценарию — Беглов.

Странное дело — мы не были близко знакомы с ним: несколько встреч на репетициях и съемках, и все; нам, по сути, ничего не было известно о его жизни — удачлив ли он был или нет, какой была его артистическая судьба; мы не видели его фотографий в молодости. Короче, мы не знали о нем ничего такого, что могло возбудить какой-то особенный интерес к его судьбе.

И все же нам захотелось сделать фильм именно о нем. Бывает так, что встретишься однажды с человеком, и он сразу же становится тебе очень симпатичен. И возникает ощущение, что ты давно и близко знаком с ним. Это, наверное, и называется обаянием личности. Что-то в таких людях есть необыкновенно надежное, им не всегда выпадает случай проявить себя в каких-то неординарных условиях, но на них всегда и во всем можно положиться.

Потому что для них достоинство и порядочность — не отвлеченные нравственные категории, а способ повседневного существования. Перед ними не стоит проблема выбора — поступить так или иначе в какой-либо скользкой ситуации, их поступки предопределены самим строем личности, ее твердой ориентированностью на добро, честность, правду.

Таким был Алексей Андреевич, и всю свою жизнь он прожил в эстраде, в этом блестящем мире, где человеческие судьбы всплывают и гаснут, где триумфы эфемерны, как сияние блесков на костюмах артистов, где эмоции обострены до предела.

Мы стали придумывать жизнь нашего героя в этом мире.

Мы решили, что он когда-то был знаменитым артистом. Он был непревзойденным танцовщиком в 50-е годы, и публика его любила.

В то время эстрадные танцы были особенно популярны. В то время была совсем другая эстрада. Не было усилителей, синтезаторов, сверхчувствительных микрофонов, световые эффекты не поражали изощренной причудливостью, и на стадионах эстрадные артисты не выступали.

Они выступали в небольших по нынешним временам залах, где из последнего ряда можно было увидеть их лица, где они пели своими голосами и никому в голову не могло прийти, что можно просто открывать рот под фонограмму, где слова песен, зачастую не слишком замысловатые, были во всяком случае вполне понятны.

В задуманном фильме мы не хотим преподнести эстраду 50-х годов как некий эталон — в ней было немало наивного, но в то же время в ней было то, чего, к сожалению, неред-

ко недостает современной эстраде, — в ней была человечность.

Человечность эта проявлялась и в близости артиста к зрителю, и в желании артиста своим искусством прежде всего доставить зрителю удовольствие, радость, а не ошеломить, ошарашить, подавить его. Мы хотели бы, чтобы в новой картине отчетливо прозвучала мысль, бесконечно дорогая для нас: высшая радость и высшее удовольствие приходят к человеку от сознания того, что он доставляет радость, дарит удовольствие людям — искусством ли своим, ремеслом ли, которым владеет с блеском, талантом ли общения...

А для этого, согласитесь, надо ведь быть обязательно романтиком. Эстрада тех еще сравнительно недавних лет, как нам кажется, была именно романтична, более романтична, чем сегодня, и мы решили, что наш герой, человек эстрады той поры, тоже должен быть непременно романтиком. Но вот драматический контраст: он романтик, а жанр, которому он отдавал предпочтение всю свою жизнь, жанр ритмического танца на его глазах уходит с эстрады. Что делать? Есть чисто меркантильный, практичный и, казалось бы, естественный путь: перестроиться, уйти в другой жанр, просто уйти из эстрады — мало ли «хлебных» занятий. Но не таков наш герой. Он верен себе и своему искусству, несмотря ни на что.

Жить в искусстве, не ища в нем личных выгод, не лицемеря, не изменяя себе, не пытаясь приспособиться к шарашням моды...

Известный египтолог Леонард Коттрелл писал:

«...В наш утилитарный век изучение Древнего Египта не имеет практической ценности. Оно не делает нас богаче или сильнее. Но оно дает нам глубокое эстетическое наслаждение, удовлетворяет нашу вечную жажду чуда...»

Мысль, выраженная в этих словах, очень близка тому, о чем нам хотелось бы сказать в нашем будущем фильме, хотя он и не имеет никакого отношения к египтологии.

Жанр фильма — музыкальный. Он предопределен родом деятельности нашего героя, но нам кажется, что проблемы, которые мы хотели бы затронуть в нем, имеют отношение не только к жизни эстрады.

**А. БОРОДИНСКИЙ,
К. ШАХНАЗАРОВ.**